

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2022

Ростов
2023

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр
И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2022 /
И90 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». –
Ростов, 2023. – 368 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-4-3

В сборнике опубликованы материалы XXXII научной конференции «История и культура Ростовской земли», состоявшейся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» 8–10 ноября 2022 г.

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-7-4

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2023

Содержание

Чирков С. Ю. (<i>Ярославль</i>). Монгольское нашествие в фольклоре Ростовской земли	5
Полознев Д. Ф. (<i>Ярославль</i>). Военно-политические и религиозно-символические аспекты основания города Ярославля ростовским князем Константином Всеволодовичем в начале XIII века	14
Аверьянов К. А. (<i>Москва</i>). Был ли ростовец Борис Ворков первым помещиком на Руси?.....	28
Пуцко В. Г. (<i>Калуга</i>). Поникаровский деисусный чин: проблема локализации	33
Важская М. А. (<i>Москва</i>). Уточнение атрибуции икон «Архангел Гавриил» и «Архангел Михаил» из коллекции Михаила Ивановича Чуванова	48
Казиков А. А. (<i>Москва</i>). Летописчик белозерского старца Германа Подольного рубежа XV–XVI вв.: хронологический аспект	70
Сергеев А. В. (<i>Санкт-Петербург</i>). Общественное и служебное положение ростовских Рюриковичей в первой половине XVII века	76
Пушков В. П. (<i>Москва</i>). Московские стрельцы и книга в XVII веке (по архиву приказа книгопечатного дела).....	90
Иванов Л. М., Гожалимова О. С. (<i>Рыбинск</i>). Рыбная слобода в 1654-м году	100
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). Спасская Ружная церковь в Ростове.....	110
Пак В. Ф. (<i>Ростов</i>). Атрибуция иконы «Избранные лики Богоматери с распятием Христовым и Ростовскими чудотворцами» из частной коллекции.....	129
Философова Т. Г. (<i>Москва</i>). К истории одного портрета	147
Киселев Ал-й В. (<i>Ростов</i>). «Ярославские губернские ведомости» (1831–1917) как источник по традиционной культуре населения Ярославской губернии (на материалах Мышкинского и Угличского уездов)	157
Виденеева А. Е. (<i>Ростов</i>), Соколова Г. Г. (<i>Ростов</i>). Диакон ростовской церкви Николы на Всполье Элладий Громцев (1842–1928)	173

Никитина Т. Л. (<i>Ростов</i>). К архитектурной истории Самуилова корпуса в Ростовском кремле: Димитриевское духовное училище	195
Артемичева Е. Г. (<i>Ростов</i>). Ростовские финифтяники на Ярославских губернских сельскохозяйственных и промышленных выставках во второй половине XIX – начале XX в.	210
Стародубов Ю. В. (<i>Москва</i>). Изразцовое наследие Романова-Борисоглебска. Опыт изучения и сохранения	222
Белова Н. В. (<i>Ярославль</i>). Типография Германа Фалька в Ярославле	251
Брюханова Е. В. (<i>Ростов</i>). Юбилейный текстиль и платки в собрании Ростовского музея	265
Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). Первая Мировая война: поставка лошадей в армию из Ростовского уезда Ярославской губернии	289
Чекмасов Д. Н. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Уникальные книги первой четверти XX века из фонда научной библиотеки ГМЗ «Ростовский кремль»	297
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Акафисты в собрании музея-заповедника «Ростовский кремль»	305
Кривцова А. С. (<i>Москва</i>), Востокова М. В. (<i>Москва</i>). Анна Николаевна Арсеньева: три письма из Ростова	311
Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). Музейный опыт изучения крестьянских домов Ростовского уезда	326
Виденеева А. Е. (<i>Ростов</i>), Садовников В. А. (<i>Переславль-Залесский</i>). Колокол как предмет экспонирования в отечественных музеях	340
Уткин Д. Е. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Археологические разведки в окрестностях села Хопылево Рыбинского района в 2022 году	359
Список сокращений	367

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Чирков Станислав Юрьевич,
ЯрГУ им. П. Г. Демидова, студент
Ярославль
stanischirckov@yandex.ru

В статье рассматриваются легенды, посвященные взаимодействию Ростова и Орды. Автор рассматривает легенды, посвященные князю Василько, Петру, царевичу ордынскому и генеалогические легенды, найденные в рукописях А. А. Титова.

Ключевые слова: Ростов, Орда, князь Василько, Петр, царевич ордынский, легенда.

THE MONGOL INVASION IN THE FOLKLORE OF THE ROSTOV LAND

Chirkov Stanislav Yurievich
P. G. Demidov Yaroslavl State University. Student.
Yaroslavl
stanischirckov@yandex.ru

The article discusses the legends dedicated to the interaction of Rostov and the Horde. The author examines the legends dedicated to Prince Vasilko, Peter, Tsarevich Ordynsky and genealogical legends found in the manuscripts of A. A. Titov.

Keywords: Rostov, Horde, Prince Vasilko, Peter, Tsarevich of the Horde, legend.

Ростов в XIII в. являлся центром Ростовского княжества, в результате монгольского нашествия, княжество попало под влияние Монгольской империи, а позже Золотой Орды, а потому немудрено, что с течением времени в фольклоре ростовской земли начали складываться мифы и легенды, предания и различные истории, посвященные взаимоотношениям Ростова и Орды в период ига. А потому в рамках сегодняшнего доклада мы рассмотрим несколько легенд, в которых фигурируют взаимодействия Ростова и Орды и проследить, какие тенденции наблюдались в народном сознании.

И для начала стоит сказать, что в большинстве своем мифы и легенды, которые мы будем рассматривать в данном докладе, являются отзвуком реальных событий, поскольку часто были составлены даже не несколько десятков, а сотню лет спустя, потому контекст каждого произведения надо

рассматривать не только во временных рамках происходящих событий, но и во временных рамках оформления легенды, поскольку подобное позволит уловить скрытый подтекст некоторых легенд.

И начнем с самой первой по времени легенде, посвященной ростовскому князю Василько Константиновичу (1208–1238). Он являлся первым самостоятельным князем Ростовского княжества, не раз участвовал в походах на соседние княжества, враждовал с Новгородским княжеством, из-за интересов на севере, и во время битвы на реке Сити был убит, и вот это убийство приобрело легендарный окрас, из-за которого князя в последствии канонизировали, время канонизации, однако, не известно, но по упоминаниям в источниках, канонизация, вероятно, произошла в период с XIII по XVI в., причем, на тот момент уже сложилась традиция почитания, упоминаемая в «Лицевом летописном своде» [1, с. 389], а потому можно с уверенностью сказать, что канонизация произошла достаточно быстро и князь был одним из первых ростовских святых монгольского периода, и в образ его были вложены определенные смыслы, которые мы рассмотрим далее.

Для начала сама легенда, она вся отражена в летописях, главным образом, в Лаврентьевской [2, с. 221], практически никаких изменений с течением времени она не претерпевала, спокойно перейдя в «Лицевой летописный свод», и практически в первоизданном виде дойдя до нашего времени. И суть легенды в следующем – 1238 г., войско хана Батыея продвигается вглубь северо-восточной Руси, захватывая и предавая огню многие города, по данным летописи, на территории ростовской земли при этом было взято примерно 14 поселений, не считая маленьких слобод и погостов [1, с. 377]. Им навстречу вышли несколько князей со своими дружинами, среди них был и князь Василько, битву приняли на реке Сить, во многом причина была в том, что татары застали врасплох княжеские дружины, и в результате битва была проиграна, князь Юрий Всеволодович, командовавший объединенными княжескими дружинами, был убит, после битвы тело его нашли, голова же на некоторое время была утеряна [1, с. 391]. Князя Василько, в свою очередь, ожидала иная участь, его пленили и отправили в Шернский лес, где по легенде предложили службу под началом хана, условием которой, судя по всему, был переход в язычество, однако князь отказался и выдал таковые слова: «О темное царство и скверное, никогда меня не отлучите от христианской веры, Если я и в очень великой беде, то это Бог навел на меня беду за грехи мои. Если я и в очень великой беде, но это мне навел Бог за грехи мои» [1, с. 387]. А самих татар князь обвинил в убийстве неповинных христиан и не стал принимать ни пищи, ни питья [3, с. 12–13]. В результате монголы, по данным летописи, были разъярены, а Василько был убит. И стоит сказать, что данная легенда выполняет две функции, во-первых, она создает образ врага в лице татар, которые в легенде предстают в виде абсолютного зла, желающие насытиться кровью князя, однако в отличие от новгородских летописей, где

монголы — зло неотвратимое, в легенде о Васильке они уже предстают народом, который подчинен Богу и ответственен перед ним за свои поступки, также легенда показывает безысходность первых лет нашествия, и при этом задает моральный ориентир в лице князя, который предпочел смерть службе Орде. Примечательно также и отождествление службы хану предательством православной веры, которому в легенде уделено достаточно важное значение, которое создает впечатление, будто служба хану подразумевает отказ от православной веры и переход в язычество, с одной стороны, существуют и другие легенды, в которых монголы за отстаивание православной веры убивали героев жития, то же житие про Михаила Черниговского, где его убили за то, что тот не прошел через священный огонь и не поклонился идолам [4, с. 52]. С другой стороны, следует понимать, что в Монгольской империи на протяжении ее существования спокойно уживались как мусульмане, так и христиане-несториане и даже язычники, а учитывая, как через некоторое время духовенство начало выполнять функции администрации на местах, выполняя в пользу Улуса Джучи сбор дани, о чем говорят даже некоторые житийные легенды [5, с. 21], то можно сделать вывод, что в реальности требования перейти в другую веру к князю Василько, скорее всего, не было, а создание подобного смысла несло в себе цель консолидировать население не только перед врагом, способным сжечь города, но и перед врагом, покушающимся на самое важное в жизни средневекового человека — его веру. И легендой данный исторический отрывок можно считать из-за того, что все, что происходило после битвы на реке Сити, связанное с пленением князя, буквально не имеет свидетелей этого события, которые могли передать такие исторические факты летописцам, потому, вероятно, на исторический факт в лице пленения князя наложены легендарные элементы, посвященные сопротивлению князя.

Житие Петра, царевича ордынского относится к числу древнейших памятников ростовской письменности. Есть несколько точек зрения на то, когда была создана первая редакция жития, к примеру, Василий Ключевский считал, что время написания жития относится к началу — середине XIV в., поскольку последнее датируемое событие в житие — карательная экспедиция хана Ахмыла, датируется 1322 г., и, по мнению исследователя, составитель жития, судя по написанному, сам был современником описываемых событий, подобный вывод был сделан по эмоциональности описываемого [6, с. 38–39]. Также одним из доводов Ключевского служило то, что ордынцы в повести показаны более положительной стороной конфликта, как будто сам летописец был заинтересован в их победе в тяжбе из-за земель Петровского монастыря, из всего этого Ключевский делает вывод, что составителем жития мог быть один из монахов этой обители, а житие появилось на свет как раз в начале — середине XIV в. [6, с. 40–41].

Другого мнения придерживался советский литературовед Михаил Осипович Скрипиль, он считал, что подобная датировка ошибочна,

ввиду того факта, что в житие сказано, что после той самой тяжбы прошли «многие лета» и вряд ли летописец был заинтересованной стороной в конфликте между предками Петра и князя, так как после этого события описывается карательная экспедиция Ахмыла. Михаил Осипович выдвигает предположение, что житие написано во второй половине XV в., когда Иван III выкупил Борисоглебскую часть Ростова, когда появилась непосредственная угроза для монастыря, и именно тогда, по мнению Скрипиля, появилась необходимость доказать право владения за предками ордынского царевича [7, с. 354]. Другим доводом его позиции служит тот факт, что ордынские царевичи на службе русских князей стали появляться только в середине XV в., а для того, чтобы в сознании народа этот факт стал более-менее терпимым, должно пройти определенное время, потому написание данной легенды он относит к периоду не раньше конца XV в., при всем этом, Скрипиль подчеркивает огромную ценность данной легенды, ввиду отраженных в ней исторических событий, на которые наложен легендарный шлейф [7, с. 354].

Суть легенды в следующем. Однажды (1253) епископ Кирилл приехал на поклон к хану Берке, радея о судьбе храма Богородицы, там он поведал ордынскому властителю о мощах святого Леонтия, способных совершать чудеса, также епископ поведал и о прочих евангельских истинах, и по итогу Берке очень полюбил Кирилла и выдал ему все, что он просил. Однако через некоторое время сын хана разболелся и было принято решение снова пригласить Кирилла, который по итогу вылечил больного с помощью святой воды, за что получил от хана преференции в виде ежегодной дани Успенскому собору [5, с. 2]. Далее повествование переходит к одному из родственников хана, сыну брата, Даиру, который также слышал проповеди Кирилла и умилился душою, он долго размышлял на тему верований своего народа, и в конце концов раздал свои богатства нищим татарам и направился в Ростов вместе с епископом [5, с. 4]. Притом, у некоторых исследователей, например, у Хорошева, есть мнение, что Даир бежал из орды, находясь в опале, и в Ростове нашел себе убежище, что отчасти объясняется самим житием, в котором крещение произошло после того, как хан Берке умер. В Ростове Даир дивился красоте Успенского собора, украшенного «золотом и жемчугом, и драгоценными камнями», в котором «левый клирос пел по-гречески, а правый по-русски». По итогу, через некоторое время, когда хан Берке умер, Даир принял крещение и стал именоваться Петром. Через некоторое время Петру во сне явились два святых, а именно Петр и Павел, которые дали ему два кошелья, один с золотом, другой с серебром, и приказали построить на месте сновидения Петра, на берегу озера Неро, храм. Далее Петр и Павел явились Игнатию, следующему ростовскому епископу, и приказали ему то же самое. На следующий день Петр Ордынский выменял иконы, как и приказали ему апостолы, Князь же и владыка встали и поклонились святым иконам, хотя и не ведали, откуда они: иконописцев в их городе не было,

а Петр был еще юн и из татар. Далее Петр решил купить землю у князя Бориса Васильковича, на что тот ответил: «Петр, вот что спрошу у тебя — как дал за иконы, так за мою землю выложишь ли по меже девять гривен серебра, а десятую — золотую?», то есть Борис решил обмануть святого, продав втридорога землю под застройку храма. По итогу на границе купленной земли вырыли ров, туда насыпали, как и договаривались, золота и серебра, а князь и владыка дивились тому, насколько же любим данный человек Богом, если получил от него такое благословление. Далее Петра женят на дочери влиятельного ордынского вельможи, что показывает, Петр был не первым христианизировавшимся ордынцем, а после этого Борис награждает Петра землями, лесами и прочим, подписывая грамоты, подтверждающие право владения этими землями. Князь же с Петром так сильно породнились и полюбили друг друга, что стали названными братьями. Позже мирно заканчивает жизнь Петр и на этом оканчивается первая часть легенды, основной посыл которой в том, чтобы рассказать историю создания Петровской обители, которая, однако, была создана задолго до жизни самого ордынского царевича [7, с. 357].

Вторая часть повествует о событиях после смерти и князя и Петра, суть ее в том, что потомки князя, позабыв дружбу своих предков, начали постепенно отбирать луга и окраины у потомков Петра, тогда сын Петра пошел в Орду и сказал, что он ханова брата внук. Обрадовались его дядья, с почетом приняли его, одарили многими подарками и ханского посла выхлопотали для него. Пришел посол хана в Ростов и, рассмотрев грамоты Петра и старого князя, рассудил тяжущихся. И определил и утвердил рубежи владений Петрова сына по грамотам старого князя, и дал ему от имени хана грамоту с золотой печатью, которая есть и у молодых князей, внуков старого князя. После этого посол ушел [5, с. 7]. Далее рассказывается о предке Петра — Юрии, при котором начался новый виток тяжб, суть которого заключалась в том, что петровским потомкам запретили ловить рыбу в озере, так как на воду грамот у них не было. Из-за всего этого Юрий отправился в Орду, где его радушно приняли, выдали посла, который в Ростове рассудил тяжбу в пользу потомков Петра. В последней части жития рассказывается, как правнук Петра — Игнат, предотвратил разграбление Ростова ханом Ахмылом, Игнат вместе с Прохором, тогдашним владыкой, излечил с помощью святой воды сына хана, за что тот одарил и Игната, и Прохора, которые по итогу спасли Ростов от разграбления.

И на этом оканчивается житийная легенда об ордынском царевиче и стоит сказать, что предание несет в себе не только историю жизни такого интересного святого, но и подробнее раскрывает суть ростово-татарских отношений XIV–XV вв. И можно сделать вывод, что отношения были во многом неоднозначными, да, они стали намного более добродушными, нежели в начале вторжения, однако можно заметить пару интересных тенденций. Во-первых, судя по житийной легенде, не один ордынский царевич оседал на русских территориях и принимал христианство, все же

православие не поощряет браков с иноверцами, а с язычниками и вовсе не допускает, а раз Петра выдали за дочь монгольского вельможи, то, вероятно, они были христианизированы, то есть ко времени написания жития, а, быть может, и несколько ранее, подобная практика все же не стала чем-то необычным. Во-вторых, само отношение жителей Ростова к монголам нельзя назвать однозначно хорошим или плохим, поскольку, с одной стороны, даже ордынский царевич смог стать любимцем в городе, обрести названного брата в лице князя и даже благословление епископа, с другой же в житие дважды применяются достаточно негативные коннотации, относящиеся к монголам, а именно: «Князь же и владыка вьстаста и поклонистася святым иконамъ, и не ведяху откуду суть: писца въ градъ не бысть их, Петра *знаяху* уна суца и от тотаръ»; «Слышахомъ, еже родители наши зваху дядею сего отца Петра, дедъ бо нашъ много у него сребра взя и братася с ним въ церкви, а родъ татарьскы, кость не наша, что се есть намъ за племя? Сребра нам не остави ни сей, ни родители наши» [5, с. 6].

Одна из цитат раскрывает недоумение князя и владыки по поводу того, как Петру, хоть и христианину, но все же монголу, удалось приобрести иконы, другая цитата раскрывает отношение потомков князя к потомкам Петра, и можно увидеть, что «род татарский» применяется с явным негативным содержанием. Однако на все это можно посмотреть и с иного ракурса, поскольку отношение татар к ростовцам изменилось к более позитивному, поскольку ордынские ханы выделяют дары и в пользу Кирилла, и в пользу некоторых ростовских храмов, даже передумывают грабить Ростов после прошения населения города (в среде которых, по легенде, находился потомок Петра), сами ростовцы по легенде также достаточно спокойно воспринимают явно невыгодные для них судебные постановления, которые подтверждали право потомков ордынского царевича на владение землей, в житие ордынские послы выданы чуть ли не более позитивными персонажами, чем сами жители города. А потому можно сделать вывод, что отношения жителей Ростова и монголов в течении XIV–XV вв. постепенно нормализовались, хоть население города не очень жаловало захватчиков, относившись к татарам с предубеждением, у подобного человека все же был шанс, как мы видим в житие, стать любимцем города и надолго попасть в его память.

И перед анализом следующих легенд нужно сказать следующее. Воспринимать все легенды, описанные А. А. Титовым в своей фундаментальной краеведческой работе «Ростовский уезд Ярославской губернии» необходимо сугубо критически, поскольку все легенды, о которых далее пойдет речь, взяты из «Хлебниковского летописца» — полулегендарной рукописи, сохранившейся лишь в трудах А. Я. Артынова, работы которого не раз подвергались критике ввиду их сомнительности как древнего источника, описывающего легенды Ростовского края, причиной тому и достаточно непохожие на иные легенды того времени мифы, в которых фигурируют персонажи с максимально сомнительными наименования-

ми [8, с. 656]. Тут и самое банальное отсутствие первоисточника, потому что «Летописец», как и иные рукописи, на которые ссылается Артынов, не сохранились, причиной тому некий пожар, хотя многие авторы подвергают сомнению существование подобного источника как такового, а Артынова воспринимают не более, чем собирателя фольклора, половину которого он собрал из своей головы [9, с. 180]. Но при всей неоднозначности рукописей как Артынова, так и Титова, мы не можем упустить такой пласт информации, а потому по ходу работы необходимо отделить зерна полезной информации, раскрывающей период монгольского присутствия от плевел домыслов и придумок ростовских краеведов. И на примере нескольких легенд, взятых из работ Титова, мы постараемся понять степень взаимодействий между татарами и жителями Ростова. В основе своей легенды из работы Титова можно отнести к категории генеалогических, то есть объясняющих происхождение того или иного населенного пункта и того, почему они получили именно такие названия.

И, пожалуй, самыми говорящими названиями, отсылающими нас к монгольскому присутствию, можно назвать села Баскач и Баскачи, которые находятся по обе стороны от Ростова – Баскач на юге, а Баскачи на севере от города соответственно. Деревня Баскач, например, названа так в честь того, что в монгольское время здесь якобы жил некий главный татарский баскак Сарыхожа, который выкрал жену князя Андрея Александровича (сына Александра Невского), которая, судя по всему, являлась дочерью ростовского князя Дмитрия Борисовича (сына Бориса Васильковича) [10, с. 271–272]. Проблема данной легенды, как и последующих, заключается в том, что подтверждений, хотя бы косвенных, даже самым не легендарным событиям, описываемым Титовым, в сторонних источниках найти практически невозможно, то есть таковая трактовка событий, даже главный баскак Сарыхожа – упоминаются только в одном источнике, да и то сомнительном, что позволяет делать неутешительные выводы.

Деревня Баскачи именуется так из-за того, что в ней в 1280 г. жил брат того главного татарского баскака Сарыхожи, и якобы содержалась в неволе княжна Василиса, дочь знаменитого благоверного князя Романа Владимировича Угличского, одна проблема, потомства у него не было, как говорит об этом житие самого князя [11, с. 10]. Дальше интереснее, эту княжну спасает некий князь Андрей Васильевич (с прозвищем Аникавоин, означающим скорее бахвальство), сын князя Василя Андреевича Суздальского, информации о котором в летописях практически не сохранилось. И в сухом остатке мы имеем деревню, имеющую явное монгольское название, и в которой происходили события с людьми, которые вряд ли существовали, однако Артынов и пытается связать их с реальными историческими персоналиями, но допускает такие вот ошибки.

Рядом с деревней Баскачи стоит также деревня Трепаево, согласно легенде, описанной Артыновым, это место стало полем битвы между татарскими сборщиками податей и жителями, причиной тому стало жестоко-

сердие татар, и в итоге селяне вышли победителями, погнав татар и у села Душилово окончательно с ними расправились. Ввиду близкого расположения трех сел, Титов делает вывод, что такое предание вполне себе могло существовать, однако подобные названия, то же Душилово, не является единственным в своем роде, на территории Руси к XV в. упомянута еще одна деревня с таковым названием, находившаяся в Новгородском уезде.

Интересное наименование имеет деревня Бахматово, находящаяся севернее Ростова, свое название, и явно имеющая некое татарское происхождение, поскольку слово «Бахмат» означает низкорослую лошадь, по данным рукописи Титова, деревня получила из-за некоего князя Бахмата, похитившего жену князя Петрилы Микульевича, который в отместку убил этого князя, и овладел всем его имуществом. Потом Петрило остановил затопление Ростова, так как был христианином и позже был убит в городе, в последствии на месте деревни был терем Мстислава Владимировича Храброго (983–1036) [10, с. 540]. И вырисовывается странная ситуация, когда деревня, имеющая наименование явно татарское, описывается в этих самых легендах как намного более древняя, поскольку Петрила Микульевич упоминается аж в XII в., также странным становится и тот факт, что деревня эта появилась, видать, еще до христианизации края, когда князей с таким явно не славянским именем не было и быть не могло, по крайней мере, летописи о подобных персонажах умалчивают, то есть данная легенда является наглядной демонстрацией того, как Артынов формировал свои легенды, а именно из названия пытался сделать целую легенду, приукрасив ее историческими именованиями, которые порой друг с другом не соотносятся и добавляя достаточно стандартный сюжет о похищении кого-либо.

Так же стоит упомянуть и деревню Караш, имеющую достаточно интересное наименование, и находящуюся на юге от Ростова. Свое название, по данным Титова, селение получило из-за того, что в период монгольского присутствия, именно в этом месте жили татары, что подтверждается также раскопками, проведенными графом А. С. Уваровым, который нашел рядом с этим селом большое татарское захоронение. И при этом Титов приводит и легендарную версию, якобы это селение было местом проживания баскаков, которые в Караше собирали дань, а провинившихся «карали», на что указывает и стоящее рядом урочище «Виселицина гора». И если говорить о втором варианте происхождения названия, то оно опять становится производным от наименования, якобы Караш, потому что карали, хотя в татарском языке присутствовало таковое слово и ни к какой каре отношение оно не имело.

По итогу мы видим, что на территории Ростовской земли было большое ордынское присутствие, что выражалось в появлении таких вот топонимов, однако легендарные версии происхождения наименований, представленные А. Я. Артыновым и затем добавленные в «Ростовский уезд» А. А. Титовым, вряд ли можно назвать реальными сохранившимися

древними легендами ввиду большого количества как сохранившихся имен, чем не может похвастаться большинство легенд того времени, так и достаточно сомнительными итоговыми сюжетами, которые не пере-кликаются ни с одним известным нам источникам, а потому подобные предания стоит воспринимать, как нововед, хоть некоторые истори-ческие ревизионисты и пытаются на основе этих работ доказать, что вся история сфальсифицирована, а Артынов, наоборот, описал правду [12, с. 35].

Таким образом, на основе приведенных выше преданий, мы можем сделать следующий вывод. Изначально Ростовские земли, как и многие другие, пострадали в результате похода 1238 г., что отразилось в предании о князе Васильке, которое пропитано духом борьбы с захватчиками, однако позднее Ростов вошел в некие отчасти взаимовыгодные отношения, некоторые татарские семьи осели на Ростовской земле, а ростовские епархи выполняли некоторые функции ордынской администрации, притом, находясь у Орды на, вероятно, хорошем счету, то есть отношения перешли в более плодотворное русло, лишь отчасти прерываемое конфликтами с Ордой.

Список источников и литературы

1. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 5: 1217–1241 гг. Москва: ООО «Фирма “Актеон”», 2014. 544 с.
2. Полное собрание русских летописей. Том 1. Лаврентьевская и Троицкие летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 296 с.
3. Экземплярский А. В. Ростовские владетельные князья. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1888. 120 с.
4. Экземплярский А. В. Черниговские, князья // Русский биографиче-ский словарь: в 25 томах. СПб., 1896. 819 с.
5. Повесть о Петре, Царевиче ордынском / пер. А. А. Дмитриева. 2000. 14 с.
6. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: К. Солдатенков, 1871, 483 с.
7. Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // История русской литературы: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 350–357.
8. Лобакова И. А. Принципы создания легендарного сказания в твор-честве А. Я. Артынова // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 650–660.
9. Воронин Н. Н. «Сказание о Руси и о вечем Олзе» в рукописях А. Я. Артынова // Археографический ежегодник за 1974 год. М.: Наука, 1975. С. 175–194.
10. Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М.: Синодальная тип., 1885. 243 с.
11. Житие святого благоверного князя Романа, Угличского чудотвор-ца. М., 1916. 15 с.
12. Сударушкин Б. М. Сказание о Ростове Великом, затерянном граде Китеже и замечательных ростовцах. Ярославль, 2011. 170 с.